

О.П. Богатырёва, А.А. Богатырёв

Тверской государственной университет

**СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ
ДРОБИ НА ЗАНЯТИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**
(на материале английского языка)

1. Статья посвящена проблеме описания приемов оптимизации использования иноязычных беллетристических текстов на аудиторных занятиях по стилистическому анализу со студентами языковых и гуманитарных факультетов вуза. В последнее десятилетие высказываются противоположные мнения об эффективности использования иноязычного беллетристического («художественного») текста для аудиторной отработки комплекса языковых готовностей вторичной языковой личности студентов вуза (е.g. Богин, 2000; Деев, 2005). В то же время невозможно отрицать значимость текстов беллетристической («художественной») литературы в обучении пониманию не как *узнаванию* в тексте использованных слов и описываемых стереотипных ситуаций, а как *собственно пониманию* – движению в смыслах, постижению опредмеченных в тексте субъективно-ценностных реальностей. С этим связаны роль и место беллетристических текстов изучаемой иноязычной культуры в универсуме подлинного (англ. authentic) иноязычного текстообразования в аспекте формирования в лице учащегося вторичной языковой личности – человека в языке и речи, оцениваемого «с точки зрения его готовности совершать речевые поступки, создавать и *понимать тексты* на втором (неродном) языке» (Богин, 1982: 1). Часто стилистический анализ иноязычного беллетристического текста опирается на отыскивание в тексте тропов и фигур из репертуара античной поэзии, а также на толкование литературных цитат и аллюзий. Между тем, важным источником смыслообразования в беллетристических текстах нового времени выступает непосредственно игра дискурсов (стилистически маркированных способов говорения о мире) фиктивного рассказчика. Основным источником понимания и интерпретации текста читателем является способность к *рефлексии* – интенциональной связке между динамическим образом познаваемой ситуации и наличным опытом постигающего индивида (Богин, 1986: 9; Богин, 1989: 17).

Теоретическое осмысление обучения учащихся текстовой деятельности потребовало понятийного выделения единицы такой деятельности. В этой связи профессор Тверского государственного университета Г.И. Богин (1929-2001) посвятил множество работ разработке герменевтических техник анализа *текстовой дроби* – репрезентативного в формальном и содержательном плане целостного фрагмента оригинального авторского текста (Богин, 1986: 73-74). Целесообразность привлечения «изолированных» текстовых дробей связана с достигаемым усилением нагрузки на лингвостилевые схемы получения знаний о тексте, выступающие критерием

оценки уровня готовностей языковой личности к социально адекватной речевой деятельности как предполагающей оптимальный баланс анализа задействованных языковых (текстовых) средств и синтеза смысла высказывания. Вектор развития языковой способности сонаправлен вектору овладения многообразием стилевых регистров дискурсивных практик языка. Вектор эскалации рефлексии над стилистическими средствами текстообразования сонаправлен вектору разработки содержательной интерпретации текстовой дроби.

Целью аналитического подхода к тексту является оптимизация освоения его содержательности, ведущая к распредмечиванию его содержательной формы. *Содержательность текста* рассматривается как целостная мозаика значений, содержания и смыслов текста во всем многообразии взаимосвязей и взаимоотношений названных содержательных элементов. *Содержательная форма* текста понимается как органичная текстовая форма смыслопостроения, т.е. как форма, оптимально передающая смысловую структуру сообщения. Лингводидактическая феноменология горизонтов освоения содержательности языкового текста разработана Г.И. Богиным и включает в себя в порядке восхождения от низшего к высшему следующие уровни: а) *семантизации* языковых единиц как знания и узнавания их значений, б) уровень восстановления *содержания текста* как суммы текстовых предикаций, или *когнитивный*, в) уровень синтеза смысла постигаемого целого высказывания (текста, текстовой дроби), или *распредмечивающий* партитуру текстовых стилеобразующих средств (Богин, 1986: 32, 40-41, 59-60, 61-62). Ниже рассматриваются принципы организации, элементы и результаты нашего практического занятия по стилистическому анализу дроби иноязычного беллетристического текста, проведенного со студентами третьего курса отделения теоретической и прикладной лингвистики Тверского госуниверситета.

2. Одной из разновидностей аналитического подхода к иноязычному учебному тексту является *фронтальная стилистическая интерпретация* текстовой дроби, качественно превосходящая разбор лексико-грамматических явлений в тексте как предпосылки реконструкции его содержания. Ресурсом проникновения в содержательную форму текста выступает интерпретационная установка на тотальный учет и критику *всех* потенциально значащих элементов содержательной формы текстообразования с точки зрения ее смыслообразовательных потенций, начиная от рассмотрения особенностей фонетической оболочки сообщения, динамики длины предложений и баланса сочинительных и подчинительных конструкций, стилевых оппозиций и контрастов и т.д. и заканчивая конфигурацией усматриваемых элементарных смысловых образований текста – текстовых *ноэм*.

Критерием отбора (дроби) иноязычного беллетристического текста в качестве учебного материала может выступать насыщенность лингвокультурными кодами, поскольку фронтальная интерпретация содержит в себе идею раскрытия авторской системы лингвостилистических и

культурных кодов, апеллирует к опыту учащегося одновременно в узкоэстетическом и в широком социально-коммуникативном плане.

Аудиторный стилистический анализ текстовой дроби подразделяется на ряд этапов:

а) первичное («беспредпосылочное») чтение сопровождается письменной фиксацией *содержания* текстового фрагмента;

б) аналитическое посегментное чтение вслух составляющих текстовую дробь предложений-высказываний с остановками для разбора структурной, актуальной и перспективной смысловой организации текста сопровождается оперированием интерпретационными конструктами и гипотезами;

с) сопутствующее реконструирование смысловой структуры сообщения в целом сопровождается выдвижением и обсуждением допускаемых родовых и внутривидовых форматов интерпретации;

д) верификация, коррекция и обогащение содержательных гипотез на материале последующих сегментов осуществляются по герменевтическому принципу перевыраженности смысла целого в частях и деталях;

е) итоговая оценка реконструированного внутритекстового возможного мира и содержательной формы текста в их взаимосвязи сопровождается выявлением баланса внутривидового и родового начал в текстообразовании.

Первичное чтение с охватом *содержания* микротекста как суммы предикаций позволяет выделить основные тематические элементы текста. Письменное закрепление рабочего перевода-пересказа выступает формой фиксации содержания текста уже на этапе до выдвижения определенных гипотез о его смысле и очерчивает границы эксплицитного содержания.

Следующим этапом выступает посегментное чтение, сопровождаемое структурно-функциональным анализом текстового массива как последовательности внутритекстовых высказываний. Осваиваемая ситуация текстовой дроби рассматривается студентами по принципу «черного ящика». При этом не допускается «протаскивание» готовых конструктов из *литературоведческой* критики (пример противоположного подхода см.: Бабенко, Казарин, 2003: 148).

Инвентарь направлений и средств анализа полагается рядом исследователей «научным», жестко стратифицированным, классифицированным, константным (ср.: Бабенко, Казарин, 2003: 15, 398-399). Между тем, существенная роль в синтезе текстового смысла принадлежит элементам *субъективного выбора опорных ориентиров интерпретации*, связыванию по субъективным схемам текстовосприятия эмоциональных и рациональных, образных и логических моментов интерпретации, вероятностному прогнозированию доминантного направления смыслообразования.

Интерпретация трактуется как высказанная читательская рефлексия над системой текстовых средств, являющихся одновременно языковыми и стилевыми средствами продуцента (Богин, 1993: 16). Интерпретация текста неотделима от *индивидуации* – установления родового и видового начал в текстообразовании (Богин, 1989: 32-34). Индивидуация в пространстве

человеческого понимания основывается на накопленных в индивидуальном опыте читателя схемах. В самом понятии схемы уже положено представление о прогнозировании путей развития постигаемой ситуации и связанных с прогностикой (греч. – «пред-знанием») экспектациях. В понятии об *экспектации* соединяются горизонт темпоральный (ожидание) и горизонт пространственный (понимание).

Круг экспектаций по отношению к инокультурному тексту на вершинных уровнях развития вторичной языковой личности учащегося опирается не только на эксплицитно представленное содержание текста, но также, в значительной мере, на круг текстовых *импликаций* и *допущений*. *Имплицитное начало* (импликация) объемлет всё то в сфере смыслообразования, что может быть усмотрено на основании данных текста посредством применения операции логического вывода (как причина или следствие номинированного). Понятие *имплицитности* шире понятия имплицитности и не обязательно объясняется через действие в тексте механизмов языковой компрессии транслируемых сведений (Богатырёв, 1998: 91). Имплицитное – в широком истолковании – все текстовые смыслы, которые не номинированы в тексте непосредственным, прямым образом. Поэтический смысл текста всегда имплицитен, поскольку представляет собой функцию от балансирования авторской программы текстопостроения на пределах выразительных возможностей языка.

Дефицит учебной работы по фронтальному анализу текстов может приводить к тому, что студент не закладывает в пространство своего понимания текста даже самые сильные формы языкового имплицитования, например, не усматривает смысла «уже давно впервые начатое действие» применительно к фразе ‘I must still keep harping on it’. Еще больший интерес для фронтального анализа текста представляют слабые текстовые импликации. В концепции И.В. Арнольд (1990: 103) предлагается считать текстовыми (слабыми) импликациями вариативно восстанавливаемых в актах чтения вероятных смыслов; акцент падает на вероятностный характер смысла. Мы имеем в виду под *слабыми импликациями* такие читательские гипотезы, выделение отправной сегментной текстовой единицы для которых представляется затруднительным. Одним из источников слабых импликаций в такой трактовке выступает партитурное означающее.

Партитурное означающее складывается на основе гармонии относительно автономных текстовых единиц, ни одна из которых не образует в строгом смысле необходимого и достаточного основания для подразумеваемого (импликата). Например, на вопрос о том, была ли среди присутствующих на ужине, описанном в приводимом ниже тексте Готорна, привлекательная женщина, все студенты из учебной группы третьего курса отделения теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) ТвГУ за исключением одного студента ответили утвердительно. Но никто из них не смог убедительно доказать данное мнение указанием на конкретные каузирующие текстовые данные. Рассмотренный случай освещает

нетождественность подходов к интерпретации текста читателем: а) как аргументированного извлечения суммы знаний о тексте и б) как усмотрения палитры значащих переживаний в рамках собственной субъективной проекции текста.

3.0. Ниже приводится описание практического занятия со студентами третьего курса отделения теоретической и прикладной лингвистики ТвГУ по анализу дробы англоязычного беллетристического текста. В качестве материала анализа был выбран зачин четвертой главы романа американского писателя Натаниеля Готорна (1804-1864) 'The Blithedale Romance' (1852) – 'The Supper-Table' – «За ужином» (Готорн, 1982: 250):

The Supper-Table

1-2. The pleasant firelight! I must still keep harping on it. 3. The kitchen hearth had an old-fashioned breadth, depth, and spaciousness, far within which lay what seemed the butt of a good-sized oak-tree, with the moisture bubbling merrily out at both ends. 4. It was now half an hour beyond dusk. 5. The blaze from an armful of substantial sticks, rendered more combustible by brushwood and pine, flickered powerfully on the smoke-blackened walls, and so cheered our spirits that we cared not what inclemency might rage and roar on the other side of our illuminated windows. 6. A yet sultrier warmth was bestowed by a goodly quantity of peat, which was crumbling to white ashes among the burning brands, and incensed the kitchen with its not ungrateful fragrance. [7. The exuberance of this household fire would alone have sufficed to bespeak us no true farmers; for the New England yeoman, if he have the misfortune to dwell within practicable distance of a wood-market, is as niggardly of each stick as if it were a bar of California gold.]

3.1. Задание, условия и принцип анализа

Смысловое единство беллетристического текста средней и крупной протяженности (рассказа, повести, романа, главы романа etc.) манифестируется в различных текстовых дробях с различной мерой импликационности / экспликационности. Стимулом к образованию интерпретационных конструктов к тексту послужило *задание* попытаться определить количество находящихся в помещении людей и выявить их социальные характеристики, что в общем случае соответствует восстановлению когнитивного содержания текста по Богину (1986: 41-42, 44-56), но повышенная мера *импликационности* (стилистической установки текста на трансляцию смыслов для чтения «между строк» (Оборина, 2005) текстового фрагмента определила путь к выполнению поставленной задачи через *распредмечивающую* интерпретацию вершинного уровня организации текстовых средств – элементов *содержательной формы* текстовой дробы (эстетически активной формы, вносящей самостоятельный вклад в содержательность текста). Путь к решению интерпретационной задачи пролегает через рефлекссию над опытом различения социально-стилевых регистров языка и речи, опытом персонализации «голосов», номинативных и стилеобразующих средств

текста – опытом восстановления элементов ситуации, облика, социально-ролевых характеристик, ценностных установок фиктивного говорящего персонажа.

Каждое предложение-высказывание из состава текстовой дроби анализировалось на основе собственных определенностей и при опоре на предшествующие, но *никогда* на последующие предложения до тех пор, пока текстовый массив фрагмента не был исчерпан. Последнее предложение из состава семи, образующих текстовую дробь, намеренно не предъявлялось для первичного ознакомления, что одновременно осложняло задачу по реконструкции смысла текстовой дроби и делало работу творческой.

Выделение первого сегмента (предложения 1-2) продиктовано принципом нахождения форм риторического контраста в текстообразовании. Поскольку риторическая программа беллетристического обычно текста исходит из совмещения нетождественных интерпретационных горизонтов развертываемого образа рефлектируемой ситуации, антагонизм подчеркнутых противоположностей обычно снимается на взыскомом уровне смысла целого текста. Наблюдение контраста встречающихся в текстовой дроби номинативных единиц позволило студентам самостоятельно задать следующий набор аксиологических оппозиций и поименовать полярные горизонты смыслообразования: *light – darkness; then (early period) – now (latest period); attitude 1 – attitude 2 (passion 1 – passion 2); prospects – retrospection; premonition (portent) – recollections; action - background; warm – cold; pleasant – unpleasant; poetic – practical; young – old; beautiful – ugly; inexperienced – experienced; unwise – wise.*

3.2. Метаморфозы стилевой репрезентации голоса рассказчика

В основе задания к тексту легла идея американского ученого Джона Гамперца (р. 1922) о существовании *социального значения* языковых номинативных единиц, которое включает в себя не только словарное языковое, но то социально оценочное значение, которое имплицитно в данном конкретном контексте. Встречающееся в тексте Н. Готорна переключение стилевых регистров описания без эксплицитной отсылки к речевым характеристикам прямо называемых персонажей выступает стимулом для пробуждения рефлексивной способности студента к адекватному выбору номинативных средств текста с точки зрения определения того или иного социально-стилевого регистра. При этом социолектальные стилевые маркеры в тексте выступают как источник информации о фиктивных персонажах. На первом этапе рассмотрения стилевые регистры текста были разбиты студентами по двум группам. К одной группе, характеризующейся сухим канцеляритом, были отнесены слова и выражения *'breadth, depth, and spaciousness', 'good-sized oak-tree', 'moisture', 'substantial sticks', 'rendered more combustible'*. К партии растроганного и взволнованного лиричного (лирического) голоса были отнесены выражения *'bubbling merrily', 'flickered powerfully on the smoke-blackened walls'*. (В особую группу и по иному основанию, наряду с партией

огня, была выделена партия закулисного дирижера музыки за кадром, отвечающего за голос природной стихии в разработке темы «грозные предвестья в образе ночного ненастья, бурана»).

Средством категоризации наблюдаемых внутритекстовых явлений выступают *интерпретационные конструкторы*, выдвигаемые читателями (при опоре на данные текста) на основе собственного жизненного опыта и стихии воображения. Интерпретационные конструкторы в общем случае характеризуются многообразием, разнообразием и различной степенью устойчивости (изменчивости). В то же время следует отметить преемственность ряда интерпретационных конструкторов, выдвинутых независимо друг от друга студентами-третьекурсниками двух потоков ОТиПЛ. В качестве образца «повторяющихся» конструкторов можно привести такие (не все!) из использовавшихся студентами-третьекурсниками образные конструкторы как:

1. «некто, светлая и восторженная поэтическая натура»;
2. «некто холодно отстраненный, нудный, говорящий канцеляритом, персоне в костюме, застегнутом на все пуговицы»;
3. «некто, посвящающий время воспоминаниям о дне (вечере), давно минувшем» («сентиментальный человек, предающийся светлой грусти о былом, упивающийся своими эстетизируемыми переживаниями на заре туманной юности»).

Таблица 1.

«ПОЭТ»	The pleasant firelight! ...flickered powerfully on the smoke-blackened walls; bubbling merrily; what inclemency might rage and roar...
«резон ёр»	...breadth, depth, and spaciousness; moisture; substantial sticks; the butt of a good-sized oak-tree; rendered more combustible; within practicable distance...
«мему арист»	I must still keep harping on it. ...so cheered our spirits; we cared not

Столкновение стилевых регистров текста выступает маркером второго по отношению к повествователю авторского сознания (англ. 'second sight') в тексте. Наблюдается установка на *ироническое ускользание* интерпретационной доминанты из одного эмоционально-смыслового регистра в другой. Противоречие между высокопарной и сказочной манерой говорения о событии и комичностью описываемого действия, зачарованным воспоминанием в начале и брюзжащим резонерством в конце абзаца (предложение 7) еще не открылось на уровне содержания дроби, но стилевые сломы становятся по нарастающей всё более вычурными в предложениях 3, 5, 6. Риторическая схема текстовой дроби может интерпретироваться как «очарование, угасающее в разочаровании».

Развитие и противоборство конкурентных конструкторов как ключей к пониманию целого лежит в основе эстетического и идейно-смыслового

текстовосприятия. Холодная тональность одного из фиктивных персонажей («голос» некоего холодного педанта, «человека, застегнутого на все пуговицы») выступает как одна из конкурирующих возможных тональностей, противоположная возможной тональности энтузиастического поэта (2, 4). Постепенно всё явственнее различается фигура ирониста. Ироническая тональность почти соскальзывает в саркастическую (5). Сюда отнесем также обращение головного понятия «pleasant firelight» в «not ungrateful (excessive – О.Б.) fragrance (fumes – О.Б.)». По контрасту с упомянутыми, на базе повышенной экспликационности и автонимичности речи развивается дидактическая тональность (6, 7).

Отвечающие *полистилистической* и *полифонической* метасхемам беллетристического текстопостроения схемы различения текстовых голосов, выступают основой и стимулом для упражнения в *чувствительности* к стилевым регистрам, имеющей неоспоримо важные последствия для понимания и коммуникации. Схема различения стилевых регистров текста, в сущности, выступает здесь как «схема развития экспектаций» по отношению к тексту – указание на то, «по какой стратегии его надо воспринимать» далее (Богин, 1989: 37). Напротив, экономия на рефлексии над схемами текстовосприятия способна незаметно уничтожить самые очевидные элементы опыта и здравого смысла при переводческой интерпретации. Для иллюстрации данного положения обратим внимание на схему иронического говорения о мире. К выявленным «голосам» текста присоединяется еще один голос, плачевно неузнанный при первом прочтении третьекурсниками двух потоков. Это голос «ирониста» в предложении шестом Готорновского текста: ‘6. A yet sultrier *warmth* was *bestowed* by a goodly quantity of peat, which was crumbling to white ashes among the burning brands, and *incensed the kitchen with its not ungrateful fragrance*’.

Абсурдный «*грациозный (приятный, прекрасный) аромат*» с печальным постоянством встречается в первичных переводах-пересказах до аналитической интерпретации текста, причем независимо от (не)знания легко разложимого на компоненты выражения ‘not un-grate-ful fragrance’. Одномерная (наивно-монотональная) экспектация читателей по отношению к тексту оказалась способна вытеснить из пространства понимания даже воспоминания о торфяных пожарах удушливого 2002 года. В ряде случаев читатель переводит текст неверно не по причине того, что «не знает» нужные слова (проблема семантизации), а по причине того, что руководствуется неверным ожиданием смысла, навязанным неверной (здесь – восторженно-романтической) схемой текстовосприятия.

3.3. Результаты и контроль

В итоге стилистического анализа партитуры текстовых средств в ходе коллективной интерпретации была получена следующая возможная характеристика микросоциума фиктивных персонажей. Непроявленность конкретных «общих тем» для персонажей может свидетельствовать о

«механическом», внешнем (для всех косвенно номинированных в тексте персонажей) поводе для единения людей, авантюристичности их совместного предприятия. В пользу последней может говорить и обозначенный в тексте средствами косвенной номинации низкий уровень экологического сознания. Усмотрена социальная и половая (последнее выводимо из опыта чтения «романтических» описаний в русской и «западной» литературе XIX века) разно-(чуже-)родность коллектива собравшихся у *очага* людей. Рефлексия над партитурой текстовых средств проанализированной дроби породила ряд основанных на импликациях глубокого ряда читательских смысловых экспектаций. Текстовая ретардация «узняется» как форма опредмечивания смысла «предчувствие приближающегося судьбоносного вторжения извне в хрупкий мир минутного (кухонного) баланса интересов». К частным граням имплицитной смысловой стихии текстовой дроби отнесены «сакраментальное воспоминание о первоизданном предчувствии любви», «определенная мера незрелости людей для мудрого жизненного самоустроения», «предчувствие драматически оборвавшейся любовной связи».

Аудиторное занятие по фронтальной интерпретации текста позволило наблюдать ряд часто встречающихся ошибок в интерпретации, потребовавших выявления, объяснения и коррекции. К источникам трудностей и ошибок в интерпретации текстовой дроби можно отнести следующее: а) наивное ожидание выводимости смысла текста из его содержания; б) наивная вера в то, что художественное текстопостроение всегда маркируется арсеналом примененных классических тропов и фигур как единственной основы поэтического повествования; в) элементарное незнание с такими распространенными в художественном текстообразовании схемами-кодами, как «многоголосие», полихромность, полихронность, полистилистика повествования; г) блокирующая рефлексия над маркерами социальных значений номинативных единиц текста установка (ригидная) на одномерную интерпретацию текста с позиции одноголосой доминанты; д) недостаточное знакомство с иноязычными языковыми схемами и оборотами иронической речи. Из опыта аудиторной работы следует, что большинство (за возможным исключением последнего) из указанных препятствий к пониманию иноязычных беллетристических текстов устранимы при фронтальном анализе и интерпретации малых по протяженности текстовых дробей.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Филологический анализ текста. Практикум / Под ред. Л.Г. Бабенко / Л.Г. Бабенко, Ю.В.Казарин. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 400 с.

3. Богатырёв А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте: Учеб. пособие для студентов филологических факультетов / А.А. Богатырёв. – Тверь: ТвГУ, 1998. – 101с.
4. Богин Г.И. Герменевтически и риторически ориентированная методика обучения иностранному языку / Г.И. Богин // Русский язык за рубежом. – М., 2000. – № 3-4. – С. 72-82.
5. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста / Г.И. Богин. – Тверь, 1993. – 137с.
6. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста / Г.И. Богин. – Калинин, 1989. – 70 с.
7. Богин Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Калинин, 1986. – 86 с.
8. Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... док. филол. наук / Богин Георгий Исаевич. – М., 1982. – 36 с.
9. Готорн Н. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. / Пер. с англ. / Натаниел Готорн. – Л.: Художественная литература, 1982. – 456 с.
10. Деев А.А. Можно ли учить язык «вообще»? // Проблемы профессиональной компетенции в языковом обучении: Сб. статей / А.А. Деев. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 82-84.
11. Оборина М.В. Стилеобразующий потенциал экспликационной и импликационной тенденций текстопостроения / М.В. Оборина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология», Вып. 2. – Тверь: ТвГУ. – 2005. – № 1(7). – С. 104-116.

(0,6 п.л.)

Выходные данные статьи:

О.П. Богатырёва, А.А. Богатырёв (Тверской государственный университет). СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ ДРОБИ НА ЗАНЯТИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (на материале английского языка) // Мир лингвистики и коммуникации. – Электронный научный журнал. – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2006, №2 (3). – Режим доступа: <http://www.tverlingua.by.ru>; http://tverlingua.ru/archive/003/bogat_03_2_3.htm